

В.Д. Губин

Метафизика памяти

Метафизика памяти

Валерий Губин

Метафизика памяти

«Российский государственный гуманитарный университет»

2017

УДК 111
ББК 87

Губин В. Д.

Метафизика памяти / В. Д. Губин — «Российский
государственный гуманитарный университет», 2017

ISBN 978-5-7281-1894-7

Книга посвящена философскому анализу феномена памяти, различным аспектам этой сложнейшей проблемы, тесно связанной с категориями мышления, свободы и творчества. Автор пытается ответить на вопросы: как вообще возможна память? где исток нашей способности помнить? почему «человек помнящий» является важнейшим определением человеческой природы? Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей и для всех интересующихся актуальными проблемами современной философии. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 111
ББК 87

ISBN 978-5-7281-1894-7

© Губин В. Д., 2017
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2017

Содержание

Введение	6
Память как исток культуры и истории	6
Прямое и косвенное описание феномена памяти	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Дмитриевич Губин

Метафизика памяти

Надо ли вспоминать? Бог ты мой, так же глупо, как: надо ли жить?

Ведь вспоминать и жить – это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет.

Ю. Трифонов. Время и место

© Губин В.Д., 2017

© Российский государственный гуманитарный университет, 2017

* * *

Введение

Память как исток культуры и истории

Мы живем, утверждал Пьер Нора, в эпоху «всемирного торжества памяти», наступившего в силу глубокого изменения традиционного отношения к прошлому. Формы этого изменения многообразны: восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; культ корней и развитие генеалогических изысканий; бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; рост числа разнообразнейших музеев; повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним. «...Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому – действительному или воображаемому – с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью»¹.

П. Нора предложил назвать наше время «мемориальной эпохой». Раньше история была едина, а память, по определению, множественна – потому что индивидуальна по сути. Раньше индивиды имели память, а сообщества – историю. В мемориальную эпоху появляется идея коллективной памяти, эмансипирующей и сакрализованной. Эмансипация выразилась в том, что теперь стало можно помнить. Это особенно явно проявилось в странах, вышедших из под гнета тоталитарных режимов XX столетия, будь то коммунизм, фашизм или какая-нибудь другая диктатура. Раньше прошлое народа все время изменялась. Как писал Дж. Оруэлл в своей знаменитой книге, будущее было хорошо известно, оно было запланировано в программных документах и директивах правящих партий, а прошлое все время менялось, в зависимости от изменения генеральной линии. Теперь повсеместно стало происходить сведение счетов с прошлым, возрождение традиций, забытых, задавленных официальной пропагандой. Исчезновение идеологической трактовки истории вернуло прошлому свободу, неопределенность, весомое присутствие в настоящем – как материальное, так и нематериальное. Стала утверждаться претензия на истину более «истинную», чем истина истории: истину живой памяти о пережитом. Но чем дальше мы во времени от вспоминаемого события, тем меньше живых свидетелей, живой памяти. Остается только коллективная память, записанная в книгах, воспроизведенная в исторических текстах. Имена, даты похожи на надгробные надписи, а история – на кладбище, где пространство ограничено и все время надо искать место для новых могил (М. Хальбвакс). Поэтому среди культурологов и историков возобладала точка зрения, согласно которой подлинной памятью обладают именно сообщества. Чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Более того, функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов – слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды².

---

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 05.09.2016).

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005> (дата обращения: 04.08.2016); Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004; Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999; Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. М., 1996; Память культуры. История и семиотика. [Электронный ресурс] URL: www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1037 (дата обращения: 03.05.2015); Трубина Е. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В.Н. Ярской и Е.Н. Ярской-Смирновой. М., 2011; С. 25–44. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб., 2003; Danziger K. Marking the Mind: a history of memory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008; Sutton J. Philosophy and Memory Traces: Descartes to connectionism. Cambridge Univ. Press, 1998.

Индивидуальная память может претендовать на реальность, полагают исследователи, только в качестве части коллективной памяти (для ее выражения просто нет приватного языка). Дело поэтому не только в том, что рамки, «кадры» памяти индивида зависят от памяти его коллективов, но и в том, что коллективная память в индивидах и воплощается. Социальность памяти поэтому – не столько главный модус ее функционирования, сколько следствие того, что люди – социальные, говорящие существа.

Все эти работы, глубокие и интересные, посвященные анализу исторической и культурной памяти, не задаются вопросом: как вообще возможна память? Где исток нашей способности помнить?

Существуют основания, писал М. Хальбвакс, различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую – внешней, или же первую – личной, а вторую – социальной. «Говоря еще точнее (с только что указанной точки зрения): автобиографическая память и историческая память. Первая использует вторую, поскольку, в конце концов, история нашей жизни является частью истории. Но вторая, естественно, шире первой. К тому же она представляет нам прошлое лишь в сокращенной и схематичной форме, в то время как память о нашей жизни представляет гораздо более непрерывную и густую картину»³.

Нельзя не согласиться с французским мыслителем в том, что сосредоточивая внимание на индивидуальной или на коллективной памяти, мы на самом деле исследуем два различных предмета. События и даты, составляющие сам материал групповой жизни, для индивида могут быть только внешними знаками, к которым он может обращаться, лишь покидая рамки своего «я».

В данном исследовании я попытаюсь отвлечься, насколько это возможно, от того, что составляет предмет коллективной (культурной, исторической) памяти, и размышлять о памяти в собственном смысле этого слова. Можно ее назвать индивидуальной памятью, но это не просто память отдельного человека – это память человека, живущего в истории, в культуре, погруженного в традиции, в символы. Коллективная или историческая память – это абстракции, которые становятся живыми только у индивида, вглядывающегося в свою память. Только через воспоминания он выходит к культурным или историческим истокам памяти. Она мертвая, пока человек ее не оживит.

Память – это не автоматически дающееся наследие. Люди обычно ничего не помнят, как не помнят животные, или, лучше сказать, помнят только то, что непосредственно касается их жизненных интересов, помнят то, что входит в их рефлексивный набор.

Забывать естественно, а помнить искусственно. Чтобы помнить – нужны усилия, нужно войти в соответствующее состояние и удерживаться в нем достаточно долгое время, время, за которое замкнутся все связи и выкристаллизуется образ предмета или события, которое дополнит наше духовное состояние, станет его необходимой частью.

Память – это целая Вселенная, Вселенная духа. Мир в большей своей части состоит из воспоминаний, и этот мир гораздо реальнее и существеннее той небольшой части реального мира, которая нас непосредственно окружает.

Картина истории, будь то история человеческого мира, мира организмов, земли, галактик – есть картина памяти. Память понимается здесь как некое высшее состояние, которое, несомненно, присуще не каждому бодрствованию, а иному отведено лишь в ничтожной степени, как какая-то совершенно определенная разновидность фантазии, позволяющей пережить отдельное мгновение *sub specie aeternitatis*, в постоянной связи со всем прошедшим

---

³ Хальбвакс М. Указ. соч.

и будущим; она является предпосылкой всякого рода созерцательности, обращенной вспять, самопознания и самоисповедания⁴.

Чтобы прорваться к такой живой памяти, нужно осуществить своего рода феноменологическую редукцию. Нужно снять напластования культурной и исторической памяти, вынести за скобки все психологические и физиологические результаты исследования памяти и вернуться к себе, к тому, как работает и живет моя память. В результате такого снятия останется совсем немного. Вся моя память перемешана с культурой, историей, идеологией. Но то, что останется, и есть память в чистом виде, память как исток культуры и истории. Основой истории и культуры остается живая память, т. е. то, что пережито, с чем есть эмоциональная связь. Эта связь может сохраняться, даже если ты не был свидетелем тех событий, о которых вспоминаешь, или они произошли задолго до твоего существования. Будучи поддержана силой воображения историка или художника, эта связь вызывает такие же переживания, и они так глубоко западают в память, как если бы случились вчера или совсем недавно. И на этом основании человек вправе считать себя свидетелем.

Я многое помню о последней войне. Но это не моя память. Сотни книг, кинофильмов, сотни легенд и мифов – это все чужая, навязанная мне память. Я часто езжу по улице Героев Панфиловцев, там стоит обелиск этим героям, и каждый раз думаю, что ничего этого не было, а была история, выдуманная журналистом А. Кривицким. Очень большая часть воспоминаний о войне состоит из подобных легенд. Иногда в детстве и юности мне, непосредственно с войной не столкнувшемуся, казалось, что никакой войны не было, она вся выдумана ловкими журналистами, Агитпропом, партийными идеологами. И, конечно, писателями.

Но одно было для меня явным, невыдуманным живым доказательством того, что война была, – это инвалиды. Через них у меня есть живая память о войне, она прошла передо мной, не менее страшная и жуткая, чем реальные боевые действия. Я помню послевоенный рынок, где инвалиды (в основном почему-то вспоминаются безногие на тележках с подшипниками), собираясь десятками, торговали штампованными часами, облигациями, собственными и чужими наградами, украденными вещами, матерились, пили, дрались и исчезали при появлении милиционеров. Почти на каждом углу города сидел инвалид, который или просто просил милостыню, или пел что-то, подыгрывая себе на гармошке, а сердобольные прохожие кидали деньги в шапку. А сколько их ходило по поездкам, по электричкам, с трудом перебираясь из вагона в вагон и исполняя все те же жалостливые песни. Они настоящий фольклор создали о себе, о людях изуродованных и брошенных, который потом блатные приспособили для своих песен. А сколько из них спилось от безысходности, сколько кончило жизнь в тюрьмах и лагерях, поскольку уголовный мир многих прибирал к рукам?

До середины 50-х годов количество нищих на улицах всех городов было огромным, и основную массу составляли инвалиды войны. По данным ВС РФ их было более двух с половиной миллионов. Пособия, помощь, жилплощадь, на которые начало раскошеливаться государство, – все это было потом, много позднее. В основном помощь и внимание к инвалидам, как и к ветеранам вообще, начались после празднования 20-летия Победы и достигли существенных размеров только в 70-х, когда подавляющее большинство инвалидов умерло. Я видел в начале 60-х годов демонстрацию безногих инвалидов, которые на своих колясках покатали к горькому выразить протест против условий своего существования. Милиция перегородила улицу грузовиками, каждого брали под мышки или за тележку двое милиционеров и с размаху бросали через борт в кузов. Переполненная машина отъезжала.

В конце 40-х – начале 50-х годов нищих инвалидов начали активно вывозить из крупных городов, чтобы не портили вид. В 1975 г. я был на Валааме, где в кельях монастыря, в ужасающих условиях жили более сотни человек. До сих пор перед глазами стоит огромное количе-

---

⁴ Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 260.

ство пустых банок, выстроенных перед магазином на случай привоза молока. У Ю. Нагибина в повести «Бунташный остров», посвященной инвалидам Валаама, один из героев говорит, что в СССР убежища для калек засекречены тщательней, чем сталинские лагеря уничтожения. С началом регулярных паромных экскурсий из Ленинграда инвалиды с острова исчезли.

Только память делает нас свободными, и забывающие прошлое, не слышащие его голосов остаются рабами. Голосов тех миллионов давно не слышно, они живут только в нашей памяти. В стране нужно установить памятник неизвестному инвалиду. Безногому инвалиду на самодельной тележке, замерзшему насмерть на перроне вокзала, куда его выгнала из теплого помещения милиция. А он ожидал электричку, чтобы поехать на ней побираться до Коломны и обратно. Памятник как символ «особого русского пути».

Память, о которой я собираюсь говорить, – это состояние свободы, состояние, которое можно определить как держание себя в духе. Адекватное наименование такого, держащего себя в духе человека – «человек помнящий». Речь идет о живой памяти, только она и является свидетельницей прошлых событий и переживаний.

Когда Сократа, высказавшего мысль о том, что «добродетель есть знание», и, следовательно, знающий о том, что такое добро и что такое зло, никогда будет делать последнего, упрекали в наивности – ведь сколько в жизни встречается умных, знающих людей, сознательно творящих зло, – то Сократ мог бы ответить: «Да нет же! Эти люди не знают, что такое добро и зло. Знать – это нечто совсем другое».

Знать – значит обладать живой истиной. А истина всегда живая, иначе это не истина. Она рождается из глубины души, и, стремясь к ней, человек изменяется сам. И вера должна быть живой, ибо Бог есть Бог живых. И память должны быть живой. Иначе мы имеем дело не с памятью, а с набором рефлекторных реакций на повторяющиеся события: если мы не будем их хранить в своей голове на все случаи жизни, то обязательно рано или поздно попадем впросак. Все помнят, что нельзя совать гвоздь в розетку, помнят, что надо выключать утюг, выходя из дома, и т. д.

Что касается коллективной памяти, то чаще всего это она говорит через людей, «дискурсы говорят людьми» (Е.Г. Трубина), индивид не контролирует содержание и форму своих воспоминаний, часто его воспоминания могут быть лишь самообманом. Бывшие колхозники вспоминают послевоенные годы не как кошмарный ад полуголодного существования, жестокую эксплуатацию (работа за «палочки»), возможность сесть в тюрьму за несколько колосков, а вспоминают их по фильму «Кубанские казаки», говорят: «Да, были трудности, но мы в целом жили хорошо, вы посмотрите этот замечательный фильм и поймете нашу жизнь»⁵. Интерес к проблеме памяти всегда был обусловлен несколькими причинами.

1. Тем, что память о прошлом является одним из важнейших моментов нашей собственной идентичности. Знание о том, что мы некогда были, является подтверждением того, что мы есть сейчас. Непрерывность сознания полностью зависит от памяти.

2. Верой в то, что, углубляясь в воспоминания, можно восстановить некие давно забытые события и переживания, с ними связанные, которые, возможно, определили мою жизнь. Что там прячется в потемках памяти? Воспоминания – это возвращение к истокам. Даже процесс цивилизации часто воспринимается как утрата, забвение неких ценностей, благодаря которым жизнь казалась более осмысленной.

---

⁵ «Бесспорно, что индивидуальная память подчинена законам бессознательного, тогда как функционирование памяти коллективной по преимуществу обусловлено нуждами функционирования политического режима, надежным способом легитимации которого является продуцирование таких репрезентаций прошлого, с которыми могло бы идентифицироваться максимальное число членов общества» (Трубина Е.Г. Феномен вторичного свидетельства: между безразличием и «отказом от недоверчивости» // Травма: пункты. М., 2009. С. 180). После выхода фильма о 28 панфиловцах многие люди получили возможность говорить об этом событии как о реальном акте – что тут сомневаться, ведь в кино показали!

Озабоченность проблемой памяти существовала всегда, и всегда разрабатывались теории и модели памяти – от Платона до современных философских, психологических, культурологических изысканий.

Главный вопрос этой озабоченности: кто помнит? Если помню я, то где хранится моя память – в мозгу, в структуре психики или в культуре, в истории? Все ли я помню, или какую-то часть, может быть самую важную, своей прошлой жизни я мог забыть? Память – самое ценное, что у меня есть. Утрата памяти равносильна смерти. Чем больше я забываю с годами, тем больше омертвляется моя жизнь, тем больше мое существование становится подобным механическому автомату.

Если помнит культура и память воплощена в культурных памятниках, то где хранится культурная память – во всех объектах, сохранившихся до нашего времени, или только в некоторых, в старых, древних или признанных произведениях искусства? Где гарантия, что мы в своей истории не утратили то, что было наиболее важным для нас?

Это исследование посвящено только одному аспекту: «как я помню»? – т. е. как помнит человек в своем индивидуальном существовании. Человек, а не культура в целом или история. Правда, отграничить человека от культурной и исторической памяти можно только теоретически. Трудности такого ограничения связаны, например, с языком, с невозможностью полностью частных воспоминаний, частного, индивидуального языка; все реконструкции прошлого пронизаны сложившимися понятиями, категориями, конвенциями, которые опосредуют содержание индивидуальной памяти. Но попытки такого отграничения помогают более выпукло понять специфику индивидуальной памяти как истока всех видов и пластов нашей памяти. Нужно пытаться помнить самому, самому видеть свое прошлое, несмотря на то что коллективная память все время подсовывает нам объясняющие схемы, стандартные стереотипы видения и толкования. Но ведь коллективная память в индивидах и воплощается.

Память – онтологическое начало в человеке, которым связывается единство личности. И припоминание – это, согласно Бердяеву, «вбирание всего мира и всей истории во внутреннее существование моего Я»⁶, это метафизически значимая составляющая человеческого существа, возможно, самая значимая. Я и есть моя память. Я не мог бы осмысленно жить без того, чтобы снова и снова не проигрывать мою жизнь, не беседовать со своими умершими как с живыми, не воображать, что было бы, если бы некоторые события в прошлом не произошли или произошли совсем по-другому. Декарт говорил, что в полной мере нам принадлежат только наши мысли, подобным образом мы можем сказать, что полной мере нам принадлежит только наше прошлое, наша память о нем, ее никто не может у нас отнять, и никакие силы не в состоянии ее изменить. Погружаясь в воспоминания, я погружаюсь в стихию духа, поскольку того, что я вспоминаю, нет как объективной реальности, это чистая виртуальность.

Каждый человек – это память о самом себе. Память закладывает фундамент осмысленности моего существования, чем больше я помню, тем больше существую, тем больше я есть, больше имею отношения к бытию. Память – это проявление бытия в нас, не мы управляем своей памятью, а она нами. Мы не вольны вспоминать то или иное впечатление или событие, это память решает за нас, она от нас не зависит. Часто сожалеешь о том, что нельзя удержать в памяти и сотой доли того, что было увидено или прочитано, утешает только одно – все это было питанием, способствующим росту и развитию внутреннего мира, многое завязывается в нас помимо наших сознательных усилий, и это многое часто составляет самое существенное, что есть в нас.

Углубляясь в память, я углубляюсь в свой внутренний мир, в потаенное, интимное знание себя, в ядро своей личности. И в этом смысле я постоянно должен помнить о самом себе, помнить, что это я вижу, а не через меня видится, это я живу, а не через меня живет. Только

---

⁶ См.: Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 289.

через память о себе я являюсь необходимой составной частью мира, частью, без которой мир был бы неполон, неполноценен.

Все, что живет в памяти, нельзя изменить, как нельзя изменить прошлое. О настоящем мы можем сказать, что оно «было», а о прошлом, что оно «есть», поскольку оноечно, оно дано на все времена. Оно прекратило действовать, оно бесполезно, но оно есть в подлинном смысле этого слова, оно, как считал Ж. Делез, сливается с бытием в себе⁷. Прошлое – это чистая онтология, и воспоминания о нем обладают только онтологическим значением. Они «чистые», потому что никак не связаны с настоящим, у них нет психологического существования. Мы свободны постольку, поскольку посредством нашей памяти имеем отношение к бытию, а не привязаны наподобие марионеток к капризам и изменчивому характеру нашей психики.

Памяти нет в том смысле, в каком есть любая существующая вещь. Человек – существо виртуальное, поскольку он никогда не реализуется полностью, поскольку его существование никогда не совпадает с сущностью, поскольку он действует в настоящем, а существует в прошлом. Память виртуальна, и в силу этого она проявление духа в нас.

Истинной бытийностью, онтологией обладает только дух. Если дух – это некая реальность, то именно здесь, по мнению Бергсона, в явлениях памяти, мы сможем его коснуться экспериментально. Ни одно животное не обладает памятью такого рода, и память – наше главное отличие от остальных живых существ. Тупой, совершенно не развитый ни интеллектуально, ни эмоционально человек, которого даже человеком назвать трудно, тем не менее недостижимо велик в сравнении с высшими, яркими представителями животного мира, поскольку он имеет память, хотя бы такую, которая касается только его непосредственных жизненных интересов, и в силу этого является духовным существом.

Основная задача книги – исследовать память как метафизическую проблему, как проявление в нас метафизической способности видеть в мире сверхчувственные принципы и начала бытия, проанализировать память человека как метафизического существа, которое способно выходить за пределы возможного опыта – как мира вещей, так и природы в целом. Философия (метафизика) изучает то, чего нет в окружающем мире, т. е. она не изучает сущее, мир вещей, объектов, отношений между ними, она изучает бытие, о котором только и можно сказать, что оно есть. Бытие – это событие открытости мира. Это стремление к тому, чтобы человек, преодолевая себя, мог так взглянуть на мир, как будто он видит его впервые, увидеть его так, чтобы он засиял всеми своими красками, почувствовать его зачаровывающую глубину. Человек ощущает себя как место, где природа открывает глаза. Такое «видение впервые» длится мгновение, и надо успеть увидеть, взволноваться, задержать его насколько можно, ибо мир мгновенно застывает, превращаясь в знакомую, стандартную повседневность. В набор банальных представлений и устоявшихся смыслов. Только в эти мгновения просыпается мысль, не представляющая, а «созерцающая», «мыслящая», как говорил М. Хайдеггер. Мысль, которая, согласно немецкому мыслителю, есть память о бытии.

Человек – сосед бытия. Чем ближе оно к человеку, чем дольше нам удастся удержаться в этом бытийственном состоянии открытости, тем более возможны для нас мысль, творчество, фантазия. Тем более мы человечны. Ибо наша человечность не в том, что мы обладаем разумом. Раньше света разума существует свет бытия. И удержаться в этом свете, попасть в «просвет» бытия и означает быть человеком. Но мы никогда не можем надолго удержаться в этом свете. Нам никогда не удастся достичь чистой мысли, чистой памяти, достичь той ясности и выразимости языка, через который мы слышим голос бытия.

Говоря о памяти, нельзя отрешиться от представлений об ее связанности с деятельностью мозга, от наших знаний его физиологии. Мы знаем, какие части мозга отвечают за те или иные

⁷ См.: Делез Ж. Бергсонизм // Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С. 135.

способности, как влияют нарушения мозговой деятельности на процесс мышления, на память. Невозможно не учитывать достижений психологии, которая выдвинула огромное количество теорий о видах памяти, способах запоминания и т. д.

Но метафизика исходит (или должна исходить) из того, что памяти нет в нашем мозгу, ибо мозг всегда существует в настоящем, следы памяти в виде нервных узлов, нейродинамических контуров, «завязанных», как полагают исследователи мозга, в цепочке молекул рибонуклеиновой кислоты, не являются ни виртуальными, ни бытийственными. Сравнить нервный след и фонтан выплескиваемых наружу переживаний, образов, слов, уходящих корнями в бездонные глубины моей внутренней жизни, невозможно. В сравнении с духом нервные процессы, какое бы огромное количество связей ни было в этом задействовано, всегда будут лишь элементарным условием памяти.

Мозг как часть материального мира есть нечто протяженное в пространстве и должен, по мнению Бергсона, определяться как непрерывно начинающееся заново настоящее, наше же настоящее, напротив, и есть сама материальность нашего существования, т. е. совокупность движений и ощущений – и ничего сверх этого. «...Предположим на один момент, что прошлое переживает себя в виде воспоминания, сохраняемого в мозге. В таком случае необходимо, чтобы мозг для сохранения воспоминания по крайней мере сохранялся сам. Но этот мозг, как протяженный в пространстве, всегда находится только в моменте настоящего и представляет собой с остальной материальной вселенной непрерывно возобновляемый срез всеобщего становления. Тогда или вы должны предположить, что эта вселенная настоящим чудом погибает и воскресает каждое мгновение длительности, или вы сами должны будете перенести на нее ту непрерывность существования, в которой вы отказываете сознанию, и сделать из ее прошлого переживающую себя и продолжающуюся в настоящем реальность»⁸.

Если за каждым ощущением или переживанием закреплен определенный комплекс нервных процессов в мозгу, то одинаковые ощущения или впечатления всегда вызывали бы одинаковые переживания, однако сознание никогда не возвращается в прежние состояния, потому что тащит за собой всю прошлую память, которая постоянно изменяется и обогащается, и подобна, говорил Бергсон, мелодии, которая постоянно изменяется от каждой новой присоединенной ноты.

Поль Рикер полагал, что «можно развивать этический и политический дискурс о памяти и заниматься сложной деятельностью в многочисленных гуманитарных науках, даже не упоминая при этом о мозге»⁹.

Можно, например, попытаться показать, писал М.К. Мамардашвили, как те или иные сознательные состояния вызываются процессами в нейронах головного мозга и комбинациями их активности. Но независимо от успеха или неуспеха попытки такого рода ясно, что знание о нейронах ни в какой воображимой культуре, ни в каком воображимом сознательном существе не может стать элементом сознательного опыта. Понятие нейронов является лишним, лишней сущностью, поскольку мы в принципе отгорожены как раз от того, что физически обуславливает наше сознание, отгорожены экраном самого этого сознания. «...Если бы мы могли прямо воспринять ту пляску электронов, которая совершается в нашем теле и которая, безусловно, в терминах физической картины является условием нашего сознания, то мы в ту же секунду умерли бы или сошли с ума (а может быть, сумасшествие и является состоянием, когда из видимого мира перепадаем в действительный микромир?). Подобный феномен известен в исследо-

⁸ Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 253–254.

⁹ Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 586. При изучении метафизического аспекта памяти нет ни повода, ни нужды прибегать к нейронам, поскольку они не изучают такой важнейший аспект бытия памяти, как виртуальность. «Но в материальном следе нет инаковости, нет отсутствия. Все в нем есть позитивность и присутствие» (Там же. С. 590).

вании зрения, где различают видимый мир и видимое поле зрения. Если мы увидим последнее, а не видимые в нем предметы, то зрительная структура разрушается»¹⁰.

Также для метафизической позиции кажется излишним компьютерное моделирование процессов памяти. Если жесткий диск не меняется и каждый раз выдает одну и ту же информацию, то 98 % молекул нашего мозга полностью обновляются каждые двое суток. А это значит, что через каждые два дня мы должны забывать все, что узнали до этого.

Есть ученые, например Р. Шелдрейк, В.В. Налимов, которые считают, что память находится не внутри, а вне человека, это некоторое напряжение, подобное силовому полю. Это поле нельзя измерить никаким инструментом¹¹. Правда, рассуждения о «поле», наверное, никогда не выйдут за рамки гипотез.

Для физиологов, видимо, кажутся совершенно бессмысленными рассуждения М. Хайдеггера о том, что память свидетельствует изначально вовсе не о способности запоминать.

Память – это целое духа в смысле постоянной внутренней собранности. Память как молитва, поминовение (*Andacht*): неотпускаемое, собранное пребывание при... а именно не только при прошлом, но и равным образом при настоящем и при том, что может прийти¹².

Для иллюстрации моих рассуждений можно упомянуть о метафизическом измерении языка: филология, лингвистика, сравнительное языкознание, семантика, структурализм и т. д. – это совокупность оригинальных и глубоких трактовок относительно сущности языка, способов его функционирования, связи языка и мышления. Но эти науки никогда не задаются вопросом: как мы говорим? Почему не мы говорим языком, а язык говорит нами? Не задаются потому, что они изучают язык как предмет. А язык в основе своей является сказанием, сказом. «...Мы слушаем язык таким образом, что даем ему сказать нам свой сказ... В речи как слушании языка мы говорим вслед услышанному сказу. Мы допускаем его услышанному голосу прийти, вызывая уже имеющийся у нас наготове звук, зовя его достаточным образом к нему самому»¹³.

Такого языка как предмета научного изучения нет. Язык живет в поэзии, в мысли философа, он есть дом бытия, тот сказ, в котором звучит бытие, и услышать этот звук может только человек, обладающий метафизическим слухом.

Память – величайший подарок богов человеку, только она делает возможным мышление, воображение, язык. Память – мать Муз, считалась главным источником, началом всех искусств. Из чрева Мнемозины вышли поэзия, драма, танец, наука о прошлом – история, наука о небе – астрономия. Именно Мнемозина считалась всезнающей богиней, связующей земное и небесное, ведающей прошлым, настоящим и будущим, аллегорией исконного первоисточника жизни и творчества¹⁴.

---

¹⁰ Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. [Электронный ресурс] URL: // www.klex.ru/27u (дата обращения: 05.06.2014).

¹¹ См.: Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. М.: Рипол Классик, 2005.

¹² Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2010. С. 162. «Достаточно вспомнить, что в русском слове “память” звучит семантический оттенок “имени”: *по(и)мянуть* – *по-именовать*, *по-миновение* – *по-именование*. Здесь именование близко имению, а *иметь в памяти* и *именовать* оказываются созвучными и близкими по смыслу. В русском слове “память” звучит и личное местоимение первого лица, винительного и родительного падежа: “*мя*”, связующего *я-имя-имение* в единую цепь поминовения-памятования как называния и сохранения имени, установления связи между именем и сущностью, удержания в памяти *Я* и мира. Эти семантические оттенки пришли из глубины веков» (Стародубцева Л. Мнемозина и Лета. Память и забвение в истории культуры. Харьков, 2003. С. 253).

¹³ Хайдеггер М. На пути к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. СПб., 2007. С. 369.

¹⁴ Стародубцева Л. Мнемозина и Лета. Память и забвение в истории культуры. Харьков, 2003. С. 10.

«Отчего так сильно во мне желание, – писал А.С. Пушкин, – вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? Или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?» («Из письма Дельвигу», 1824).

Я попытаюсь показать, как мир «очаровывается» памятью как самой сильной способностью нашей души.

Прямое и косвенное описание феномена памяти

Память как духовный феномен (как действие духа в нас) нельзя непосредственно вывести ни из работы мозга, ни из механизмов культурной или исторической памяти, ни из работы бессознательного. Его можно описать только косвенно. Человеку все основные феномены жизни даны только косвенно. Любовь – только косвенный продукт, она может возникнуть из физических и психических отношений, а может и не возникнуть, поскольку у огромного большинства живущих любви нет и никогда не было. Никакими прямыми причинами ее вызвать нельзя. В. Соловьев писал, что любовь для человека, что разум для животного – только смутно брезжащая возможность. Вся художественная литература (написанная мужчинами) – это попытка описать ту невстреченную женщину и ту несостоявшуюся любовь, которую нельзя найти и удержать в каких-либо мирских бытовых условиях.

Смерти тоже непосредственно нет для любого человека, это всегда смерть другого, я могу знать о ней только косвенно, поскольку это не моя смерть. Этой своей косвенностью, неуловимостью она и ужасает. И вся наша жизнь – только подготовка к смерти, с которой мы так никогда впрямую и не сталкиваемся. И в этом смысле любовь и смерть даны только косвенно.

...Любовь может длиться только как подготовка своего исчезновения, как подражание разрыву. Когда мы воображаем, что нам хватит жизни на то, чтобы увидеть собственными глазами, что произойдет с теми, кого мы потеряли – это-то и является состоянием любви как смерти¹⁵.

Косвенным образом мы видим, слышим и понимаем. Например, мы видим не глазами. Глаз не дух, это материальный орган. Он не способен без моего воображения дистанцироваться от мира. Он видит только впрямую. Но с помощью мысли он может видеть косвенно, косить, видеть то, что глазу как физиологическому органу не дано. Но видеть косвенно – значит видеть самое главное, значит вообще видеть. «Так что нельзя сказать, что человек видит, поскольку он есть Дух, или что он есть Дух, поскольку видит: видеть так, как видит человек, и быть Духом – это синонимы»¹⁶.

То же и с памятью, мы можем что-то вспомнить, усиливаясь, и вспомним, если нам повезет. Никакие механизмы запоминания, никакая мнемотехника не поможет, если речь идет о метафизической основе памяти, если стоит вопрос о том, как вообще возможна память? И рассуждать о метафизике памяти мы можем только косвенно. Что есть в нашей памяти такого, о чем мы можем говорить прямо: о том, что обладаю несколькими миллиардами нейронов, способных вместить в мою голову всю информацию о Вселенной? Но что мне до этих миллиардов, если я никак не могу в нужный момент вспомнить имя-отчество нашего проректора по хозяйственной работе?

---

¹⁵ Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 44.

¹⁶ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 184. «Косвенным зрением, – писал П. Флоренский, – иногда улавливаешь такие подробности и оттенки, которые недоступны взору прямому: между прочим – услышишь часто главнейшее; со звуками смеха порою прорывается такая тайна души, которая не обнаружит себя ни на какой исповеди; в бесконечно милых метафизически-родных складках или поворотах церковных песнопений прозвучит нередко такая абсолютность смысла, достаточно подчеркнуть которую не сумеет ни один догматист. Так и в философской системе блеснет часто такой глубокий мотив к ее принятию или отвержению ее, такой луч жизни и улыбка постижения, которые не выразишь ни пером, ни словом. Блеснет же обычно в какой-нибудь подробности, в сочинении нескольких слов, в придаточном, так сказать, предложении, чаще же всего – просто в отдельном термине. И блеснувшее это – часто не только ново, неожиданно и нечаянно, но даже противоречит прямым формальным заявлениям автора системы: однако будучи в формальном противоречии с ними, одно только и объясняет их, в их совокупности. Непреодолимая уверенность охватывает исследователя, что найдены корни мысли...» (Флоренский П.А. Философия культа // Богослов. тр. № 17. 1977. С. 121).

Человек, как косвенное существо, ничего не хочет видеть или принимать всерьез как нечто окончательное и устоявшееся, во всем ищет намеки, полутона, нюансы, твердо веря в то, что «черт прячется в деталях». Он, как правило, уверен: все, что он делает, – это только косвенные свидетельства того главного дела, которое у него пока не получается и, возможно, никогда не получится¹⁷. Любовь, смерть, совесть, счастье, память как будто бы существуют только в параллельных мирах, они даны лишь косвенно.

Складывается впечатление, что сам человек как таковой – лишь косвенный продукт Божьего замысла о себе, что он – Великое обещание; обещает, но никогда не реализуется полностью ни в одном из миров. Видимо, Богом задумывалось что-то грандиозное, но не получилось. Или пропало желание. Поэтому нет у человека никаких гарантий успешной жизни, нет гарантий острого ума, творческой памяти, твердо определенного набора свойств и способностей.

Проблема косвенного, непрямого видения непосредственно связана с проблемой соотношения понимания и знания. Глядя прямо, ничего нельзя увидеть, так же, как прямо, непосредственно, впрямую ничего нельзя понять. И здесь «дух серьезности» (Ж.-П. Сартр) мешает увидеть, что невозможна внешняя, прямая передача понимания. Можно передать знание, но знание без понимания мертво. Существует масса рекомендаций – как развить память, как улучшить ее работу. Авторы этих исследований всерьез полагают, что овладели теорией и механизмом памяти, знаниями, которые можно передать другим. Это похоже на умение различать добро и зло на основе методических рекомендаций. Можно понять, что такое память, но выразить это понимание теоретически невозможно.

Например, у естественного человека, писал С. Кьеркегор, свое понимание Бога, своя специфическая вера. Ему нужно, чтобы Бог прямо и непосредственно явился ему, помог или исполнил какие-нибудь просьбы. То, что Бог открывается только через углубление во внутреннюю жизнь, находится в интимной глубине сердца, – это для естественного человека слишком сложно. На самом деле, прямое отношение к Богу – это язычество, балансирующее на грани между верой и безверием. Бог присутствует в своем творении, присутствует повсюду, но нигде и никогда не присутствует прямо. Однако вера естественного человека может поддерживаться лишь с помощью чуда непосредственного явления Бога, прямого отношения Бога к человеку как отношения чего-то примечательного и поразительного к наивному сознанию. Вот если бы, скажем, Бог принял образ редкостной огромной зеленой птицы с красным клювом, птицы, которая к тому же время от времени посвистывала самым необычным образом, тогда человек почувствовал бы, что у него открылись глаза. Понимание нельзя передать другому, так же невозможно, как передать другому свое живое воспоминание. Если попытаться сообщить нечто подобное в качестве знания, адресат по ошибке решит, что он получает тут нечто, что нужно узнать, – и тогда мы вернемся все к тому же знанию. Понимание не передается через прямое отношение, через сообщение некоторых результатов познания самого себя от одного человека к другому. Если внутреннее и есть истина, результаты – это всего лишь ерунда, и нам не стоит и беспокоить друг друга передачей и сообщением этих результатов. Вообще желание передать некий результат – это совершенно неестественное отношение одного человека к другому, поскольку всякий человек есть дух, а истина есть собственная деятельность этого духа по присвоению некой сущности; готовый результат тут может только помешать.

Нет никаких спрятанных истин, которые можно обнаружить или которым можно научить, передать их путем воспитания или образования. Если истина – это я сам в своем оригинальном опыте, в своем мучительном и невероятно трудном пути познания себя, своего

¹⁷ «...Всегда останется нечто, – размышлял над этой проблемой Ф.Н. Достоевский, – что ни за что не захочет выйти из-под вашего черепа и останется при вас навеки; с тем вы и умрете, не передав никому, может быть, самого-то главного из вашей идеи» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1973. Т. 8. С. 328).

внутреннего, то ничему действительно серьезному и глубокому научить нельзя, ничего нельзя передать как некую сумму знаний. Никому ведь не приходит в голову, рассуждает Кьеркегор, пожаловаться на Бога, который, будучи вечным духом и источником всякого производного духа, легко мог бы сообщить людям истину и вступить с ними в прямое отношение. Но человек открывает Бога только внутри себя, через внутреннее напряжение, только так он ощущает Бога и становится способен видеть его. А прямое отношение – это чистое недоразумение. Так же как невозможно прямое описание работы памяти, ибо она есть проявление духа в нас и каждый понимает ее в силу своей одухотворенности.

Прямое отношение между одним человеком, глубоко духовным, и другим, наивным и необразованным, прямая передача своих знаний и мудрых мыслей другому невозможна. Всякий раз, когда полагают такое возможным, это означает, что одно из действующих лиц перестало быть духом. Попытка прямой передачи понимания подобна прямолинейному или одностороннему видению, тупо упершемуся в одну точку. Сократ никогда не говорил прямо, а всегда намеками, парадоксами, которые ставили в тупик собеседника, заставляя его думать и самому приходить к той или иной мысли. Даже его внешний вид, которым он был весьма доволен (а он был уродлив), помогал ему в его деятельности, помогал держать ученика на расстоянии, не соблазнял ученика к прямому отношению, не позволял ему восхищаться учителем и подражать ему.

Все великие учителя человечества, и прежде всего религиозные пророки, как правило, говорили притчами, иносказательно, дабы слушающий их мог понять настолько, насколько позволяла ему его внутренняя развитость. Косвенность всегда предполагает усложнение смысла, всегда подразумевает, что в словах содержится больше смысла, чем непосредственно сказано. Но точно так же и воспоминание – то, что мы вспоминаем, никогда не есть то, что было на самом деле, это всегда только косвенный рассказ о прошлом. Человеческая память – это не запись на жестком диске, которую можно снова и снова воспроизводить без изменений. Насколько вспомнутое соответствует тому, что случилось в прошлом, нужно каждый раз устанавливать.

Все, что мы будем говорить дальше о памяти, имеет только косвенный, метафорический характер, ибо никакой прямой рассказ о том, как живет и работает память, невозможен. Поэтому мы будем в основном прибегать не к рассуждениям психологов, культурологов, историков, а к размышлениям и переживаниям выдающихся поэтов, писателей и философов, к опыту художественной литературы, которая в совершенстве владеет косвенными приемами описания духовных явлений.

У нас есть одно прямое доказательство существования личной, живой памяти: мы иногда можем «вспомнить», увидеть мир в «блеске и истине», которых у него (мира) никогда не было, услышать спрятанное глубоко в себе, то самое главное, на чем держится наше существование.

Это память не человеческая, не индивидуальная и не коллективная. Словно вступаешь в какую-то стихию, которая и не мир, и не сознание. Память – это стихия. Это третья реальность, реальность памяти, которая вдруг захватывает нас и погружает в особое состояние. «Жить воспоминаниями – нельзя и представить себе ничего выше этой жизни: никакая действительность не может так удовлетворить, наполнить человека, как воспоминание; в воспоминании есть такая “действительность”, какой никогда не имеет самое действительность»¹⁸.

В нашей памяти живет мир, гораздо более сложный и многообразный, чем окружающая нас действительность. Мир, о богатстве которого мы чаще всего не подозреваем: там хранятся и забытые воспоминания давних лет, которые иногда прорываются в сознание, и счастливые мгновения озарения, и душевного волнения, и сбывшиеся или несбывшиеся мечты и надежды. Человек, по каким-либо причинам отрезанный от этого богатства, представляет собой бесплот-

¹⁸ Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев, 1994. С. 41.

ную тень, которая живет в призрачном плоском мире, лишенном рельефа и глубины. Только память делает возможными и наши чувства, и наши переживания, и сознание в целом. И пока мы прислушиваемся к своей памяти, вглядываемся в ее глубины, она является мощным препятствием против лени ума, душевной вялости и угрожающего безумия. Пока мы помним, для нас существуют и дождь, и снег, и яркое солнце, и надежда.

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь,
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут...
Но в памяти моей такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит.
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит, и пасть не может!

Д. Самойлов

Как это прекрасно – помнить! Это и счастье, и проклятие. Счастье в том, что можно вспоминать и снова переживать самые счастливые минуты своего существования, а проклятие в том, что человек большую часть своих переживаний относит к прошлому, больше живет в прошлом, от которого никуда не деться, которое невозможно исправить. А так хотелось бы исправить, забрать назад в гнев сказанные слова, сделать недействительными многие совершенные поступки. То есть сделать бывшее не бывшим. Любой человек, оглядываясь на прошлую жизнь, видит, что ошибок, непродуманных действий в ней гораздо больше, чем хотелось бы. Ни один человек, если он честен и искренен перед собой, не считает свою жизнь удавшейся. Мало найдется людей, которые согласились бы, если бы им была предоставлена такая возможность, прожить снова ту же самую, до мелких деталей повторяющуюся жизнь. Да и воспоминания о счастливых временах окрашены грустью, поскольку они ушли навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.